

Владислав КИТИК

**СВЕТЛОЕ
ВРЕМЯ ДНЯ**

Одесса • «Астропринт» • 2022

УДК 821.161.1(477)-1
К45

Оформление обложки — А. Костроменко

Фото — С. Алеяна

Иллюстрации — автора

Китик, Владислав

К45 Светлое время дня : стихотворения / Владислав Китик. — Одесса : Астропринт, 2022. — 152 с.

ISBN 978-966-927-850-0

«Светлое время дня» — новая книга одесского поэта Владислава Китика.

Автор придерживается традиции философской лирики, ориентированной на классические образцы поэзии. Стремится к ясности изложения, чтобы кратчайшим путем донести лирическую идею до читателя.

Он не претендует на истину, ставя во главу угла поэтическое самовыражение и поиск значимости в самых обыденных вещах. Стихи предстают как способ узнать и понять себя, так и найти свое место в этом огромном мире и установить с ним свои отношения. Конечно же, добрые.

Всем светлого времени в душе в любой час дня.

УДК 821.161.1(477)-1

ISBN 978-966-927-850-0

© Китик В., 2022

Вернуть
неповторимый
миг

* * *

С чего бы? И все ж не устану
Всегда просыпаться в грядущем,
Где белые свечи каштанов
И белой акации гуща
Ни разу не пообещали,
Что будут со мной откровенны,
Где в тон этой душной печали
Покрытые известью стены,
Проулок кривой, как коряга,
И кухонный запах укропа,
И голубь, как амфора с влагой,
Забывшей о волнах потопа,
Забывшей, как вестью счастливой
Из клюва упала когда-то
Зеленая ветка оливы
С обсохших высот Арарата.

* * *

Так и замышлялось а ргіогі —
До создання жизни многотомной...
Счастье — это утреннее море,
Потому прозрачно и огромно,
Потому загадочно и робко,
Тяжелей разлуки, легче пены,
И не ропщет, но скрывает рокот,
И рокочет, но поёт Сиреной.
Море — это полное собою
Утреннее счастье просыпаться.
Набираешь пригоршню прибоя...
А вода уходит между пальцев.

* * *

...И все ж, дурачась, ветерок
Недаром день вчерашний кличет,
А истины высокий слог
Не зря с обыденным граничит.

Найти ли этот звонкий стык?
Поймать ли ветер вездесущий?
Вернуть неповторимый миг,
Который был тобой упущен?..

* * *

Прозрачность крыл над свежим лепестком —
Миг откровенья фауны и флоры.
Май проскользнул по полу сквозняком,
Освободил от пыли коридоры.

Созрел под солнцем сладкий медонос,
Уходит вдаль колёсная распевка,
Не прерывая счет метаморфоз,
Омоложают вечность однодневки.

Открой мне день, где в окнах облака,
Где ветер жизни ощущаешь кожей.
Меня пугает участь мотылька,
Но мне сиюминутное дорожке.

* * *

Взрослую жизнь, проказёнив, сбежим
В небыль вчерашнюю.
Прописи, перьев наклон и нажим
В детстве дурашливом,
Зимняя сказка, волшебный фонарь,
Книжка с рисунками,
И виновато закрытый букварь,
В ящик засунутый,
Близость характеров и адресов,
Окна с гардинами,
Примусов или, точнее, примусов
Свет алладиновый,
Лавочка счастья, где счет не в деньгах,
Дух керосиновый,
Радость без повода, небо в глазах
Синее-синее.

О ДЕТСТВЕ

Что тот школяр, что выросший двойник!..
Опять, усвоив правила нечётко,
На подпись, будто вечный ученик,
Несу свою досадную зачётку.

В который раз попытка повторить,
Как сдать в ремонт расквашенные бутсы, —
Перегореть, печали ветром сбрызнуть
И на дорогу в детство оглянуться,

Соотнеся года с длиной пути,
С неведеньем, что виделось как счастье, —
Туда, откуда должен был уйти,
К чему уже не нужно возвращаться.

КУРСАНТСКОЕ

Барахолка. Время осеннее.
С ветром трудно сыграть вничью.
Тельник свой за сборник Есенина
Я снимаю и отдаю.

Зачарованный ясным именем,
На стихи я тельняшку выменял.
Уставную мою, фартовую,
Не надёванную почти.
И торговец, довольный обновой,
Натянул её по пути.

Ну и Бог с нею! Что мы, рыжие?
Износилась бы все равно.
Только жаль, что пробрав до дрыжиков,
Жёлтый холод дохнул в окно.

Я простудно в тряпицу высморкался,
И меня старшина корил.
...На стене лазарета выткался
Для меня «алый свет зари».

* * *

Жизнь, как уставшее море, смягчилась,
Но навсегда мне осталось в наследство
Всё, что случилось и что не случилось,
Бремя разлуки и оторопь детства.
Вера в наивный оракул кукушки,
Прежних привычек своих отрицанье,
Сказочный блеск новогодней игрушки,
Небу моление, метели мерцанье,
Круг, завершавший, что было вначале,
Шкаф, по которому сохнут скелеты,
Вместо премудрости — больше печали,
Чтоб ощутить свои многая лета,
Мною не допитая мировая
С мыслью благой — оставаться смиренным.
Так по утрам каждый раз обрываю
С календаря день рожденья Вселенной.

ПРОСЬБА К АНГЕЛУ

Побудь со мной у правого плеча,
Оставь свою намоленную фреску,
Поддай мне знак, пока горит свеча,
Рукой незримой тронув занавеску.

Раздуй огонь во снах, как наяву:
Он помнит вечность, он — её движенье.
И я прочту Десятую главу,
И «Мёртвых душ» узнаю продолженье.

Представлю, как, смеясь, горел Щедрин,
Как Достоевский морщит лоб угрюмый,
Как Герцен смотрит пристально в камин.
Огонь былое превращает в думы.

Благое дело — рукописи жечь,
Есть, что беречь и от чего отречься...
Не столько речь важна, не столько печь,
Как самому до этого обжечься.

МЕТЕЛЬ

И в холода не нужно огорчаться.
Погашен свет, уснули домочадцы,
Разлегся на полу уютный кот,
Как снег, спустясь неслышно с табурета.
Берет сомненье, что пройдёт и это,
Хоть несомненно то, что жизнь пройдёт.

Задумчив путь ночного променада.
Случайный снег сказался снегопадом,
Сроднился с ветром, перерос в метель,
Что снова чью-то повесть озаглавит
И не прославит, но вести заставит
С самим собой безмолвную дуэль.

Четырнадцать шагов. Гусарский ментик...
Как хлопоты, покорнейше изменчив
Иван Петрович Белкин, ваш слуга,
Слегка присочинивший для приличья.
И, обрета в падении величье,
Ложится снег, переходя снега.

* * *

Преодолеть сомнения и страх,
Печаль, что машет вслед платком узорным!..
Послушай, как свистит на буферах
Под лязг железа ветер беспризорный.
Как оглушают ночь товарняки,
И расстоянья набивают цену.
Есть мера бесконечности — шаги,
И резонанс движенья — перемены.
И детства завершение, когда
К нему вернут воспоминаний гранки.
Есть крайность безнадежности — года,
И с зеркалом немая перебранка.
И есть соблазн оправдывать свой взгляд
На вещи,
 и беда — не ошибиться...
Но всех сейчас прекрасней проводница,
Что чай несет под грохот эстакад!

ПОПУТНОЕ

Ты за призрачным счастьем сто раз уезжал,
Но ни разу на место не прибыл.
То ли Бога искал, то ли, словно фискал,
Приноравливал к убыли прибыль.

То ли смех рассыпал, то ли сдерживал вой, —
Бог всегда тебя ждал на крылечке
И глядел, как чубук достает домовой
И вдогонку пускает колечки,

Опекал твои стены, пока на меже
В мельхиоре луны полустанки
От ледышек позвякивали, как фразе,
И где ветром срывало ушанку.

Почему то не верилось, то не спалось,
Как однажды волхвам в Вифлееме?
Мне любить эту жизнь в одиночку пришлось,
Но делить ее вместе со всеми.

Или просто хотел возвратиться назад
В перевёрнутый мир свой — с разгона?
Словно в двери ногами, настырно стучат
Недоспавшие за ночь вагоны.

* * *

Почтовые ящики нам заменил интернет.
Ужался словарь, и почти не осталось газет,
Разбросаны камни, и для созиданья камней
Почти не осталось.

Как тени в театре теней,
Слова потеряли значенье, отбились от строк,
Отправились по миру, сделались сыпью дорог.
А жгучесть глагола, питавшего, как молоко,
Забылась легко. Но о ней вспоминать нелегко.
Свобода грешит лобовым откровеньем курка,
Чтоб был ты всегда наготове свалить дурака,
Приклеить улыбку, сплясать на плацу торжества.
Слова не казнят, но прессуют потом — за слова.
То тесно, то зябко им в разноголосой стране.
Коня бы! Но нет его. Как теперь быть на коне?
Скакать бы, найти свято место... А там — пустота.
И мог бы искать, и не можешь — другие места.

* * *

Есть даже в Книге жизни опечатки,
Как есть рукопожатие в перчатке,
Момент признанья, призрачность везенья,
Вербальность вербы красным воскресеньем.

Чудная книга: пишется, как снится.
Примкнем друг к другу, как ее страницы.
Разрыв строки не кажется пробелом,
Конец главы не кажется пределом,
И Песнь Песней продлит петля дверная,
Открыв дорогу.

...Ласточка шальная
Влетит в окно. Качнет ладья бортами...

Но мы и после жить не перестанем.
Чудная книга — с ней синхронно дышим,
Сперва её читаем.
После — пишем.

* * *

О, жизнь, зачем ты коротка?
За спешкой по ступеням шатким
Не успеваешь надышаться
Росистой свежестью цветка.

Стучит походная клюка?
Или коса?
Не вопрошать бы...

Жизнь, для чего ты так длинна?
Как сведший рельсы в перспективу
Долинный крик локомотива,
Как ожиданье у окна
Не женщины — хотя бы сна.

...Ты не добра, но справедлива.

Зачем ты непонятна, жизнь:
Что следствие, а что предтеча?
И векторы противоречий,
Как пальцы нервные сплелись.

В одно дыхание вложись,
Хоть потакая, хоть переча.

О, жизнь, как твой баланс не прост
От недоимки до излишка.
Ты двадцать пятый кадр, ты вспышка,
Миг, ударяющийся в рост.

...Вчерашний толкователь звёзд
Сегодня — вновь приготовишка.

Шагнешь: и незакрытый тыл,
Как мелкий гвоздь в ботинке, выпер.
Краплёной картой случай выпал.
О, жизнь, я у тебя просил
Любви, чтоб жить хватало сил.

А ты мне предлагаешь выбор.

* * *

Переживает «путь зерна»
Во мне рождённая земля,
Желает следовать сосна
Метаморфозам корабля.
Как мачта, высится мечта
И время парусом сечет.
Всё, что случилось, — неспроста,
Что не случилось, — то не в счёт.
Не целься холодом в висок,
Согрей свечой своё жильё,
Мир справедлив, а не жесток, —
И в этом он берет своё.
Он нас прощает и — растёт,
Как терпеливая сосна,
И первым руку подаёт —
Протянутая ветвь она.

* * *

Прохладой лечат тополя,
Растущие вдоль серой трассы,
И звоном яблочного Спаса,
Как светом, залита земля.

Поля, цветочные ковры,
Гор низкорослые массивы
В своем убожестве красивы
И нищетой своей щедры.

Оконца хат утомлены
Почтовой далью расстоянья.
Там, за туманною Савранью,
Коней саврасых табуны.

Там время дремлет на цепи,
Живет непуганое слово.
Там счастья круглая подкова
Мерцает в мареве степи.

* * *

Где ты, ангел, где, мой ясный луч зари?
Да ведь здесь же, в глубине моей, внутри!
Засиделся, чай, во тьме и немоте?
Я и сам по облакам и высоте
Стосковался: то печалюсь, то грущу.
Я легко тебя на волю отпущу.

Говорят же: что имеешь — отпусти.
Я тебя не буду сдерживать: лети!
Семь ветров тебе, четыре стороны!

Жду до радуги, до пролесков весны,
Если чудо не случится, то готов
Ждать до зимних нелюдимых холодов,
Снова жаворонков выпустить в зенит.
Слышишь, благовестом колокол звонит?

Жду об эту пору, буду ждать и впредь.
А согласен, значит, надобно терпеть.
Терпеливо ждать — мой молчаливый труд.
Те не трудятся, которые не ждут,
Лишь судачат.

Я молчу и не ропщу,
Я тебя легко на волю отпущу,
И не жалко будет многих зим и лет.
Даль открыта, у нее запретов нет.
Помаши крылом, взлети за облака,
Налетавшись, возвращайся. Ну — пока!

* * *

«Белые ночи»
П. Чайковский

Там, где пространство бродит залами
И в снег влюбляются сады,
Где тишина плывет каналами
Меланхолической воды,
Глотают сумрак ночи белые
И входят в майский обиход.

Сквозь расстоянья неумелые
Весной охваченных широт
Приносят почтари рассеянно
Поверх заслонов и голов
В Пальмиру Южную из Северной
Обрывки прежних адресов.

Не сблизиться и не расстаться нам —
Двум крайностям в одной судьбе.
Нас разлучают не дистанции,
А разные пути к себе.
Весна меняет интонацию,
Мелодии не тяжелы.
Одесса расцвела в акации,
И ночи потому — белы!

* * *

И шестикрылый серафим...
А. Пушкин

Ставить точку пока ещё рано...
Пустошь аэродрома светла.
Тарахтит этажерка биплана,
Архаичны четыре крыла.

Чтоб лететь в небесах серафимом,
Только двух не хватает ещё.
То, что понято, горше любимо,
Что не понял — за то не прощён.

Так ли скрытая жажда озноба,
Неосознанной воли игра
Побуждают к отбору и пробам
Пусть не крыльев, хотя бы пера?

В этих пробах мы все одиноки.
Потому ли себе вопреки
Осторожнее стали пророки,
Поостыли их ученики?

Так ли внемлю и я, что напротив,
Там, где ангелы и журавли,
Дожигает бензин самолетик,
Чтобы выйти из мёртвой петли?

* * *

Ю. Михайлику

Давняя молодость бродит в степи.
Вечное море у камня рябит.
Шлюпка на привязи. Рыжий от солнца
Якорь тоскует, как пёс на цепи.

Голые рёбра, в груди синева.
Лишь ожиданиями память жива.
Доски с бортов на растопку жаровен
Порасташила давно пацанва.

Свистнув сквозь дыры в карманах пустых,
Ветер умчался дурачить других.
На косогоре за яхтенным клубом
Дремлет маслина. И флюгер затих.

— Знаешь, дружище, а прошлого нет.
Только один ты здесь множество лет,
С пирса спустив свои ноги босые,
Ловишь ставриду коту на обед.

Лодка лежит на песке тяжело,
Годы движенья сточили весло,
Стёрся канат, парусина истлела.
Прежде болело.
Потом отлегло...

КУВШИН

Словно глину меня обожгут,
Вставят в ряд сочетаний и мерок.
Как вместилище жизни — сосуд
В самый раз: ни глубокий и ни мелок.

Я кувшин, я боюсь пустоты,
Ни порожним, ни праздным я не был,
Изольюсь — и в меня с высоты
Заструится воронкою небо.

Кровь моя, молоко и вино
Оболочке доверят приметы.
Воспримите с землей заодно
То, что с вами меня уже нет, и

Соберите мои черепки,
Сочлените шершавые грани.
Вам из них ни одна не поранит
По излому проведшей руки.

Сквозь
межреберье
стен и лет

АВГУСТОВСКОЕ

Ещё не осень, но уже не лето,
А приворота два — в одном флаконе.
Явился август царственный, как вето.
Как время года, а не межсезонье.

Представив стаям, сделает августом,
Лишив поблажек, сблизит с мудрецами,
Повергнет образ мыслей в редактуру,
Чтоб мыслить, ничего не отрицая.

Вот он ступил на «зебру» аллегорий
И дал добро к началу перехода.
И голубыми кляксами цикорий
Отвел от глаз возможность антипода.

Немного осень и немного лето —
Он, глядя в перспективу, чинит платье.
И, начеканив медные монеты,
За чуткость ранним увяданьем платит.

* * *

И опечаленность и благодать
Я безраздельно причислю
К осени, чтоб, как листвою, шуршать
Ворохом собственных мыслей.
В них растворяется поезд ночной,
Женщины свет невесомый,
Что пронизает, как луч осевой,
Круг моего окоёма.
Той, что приходит, когда не зовут,
И неуживчивой в спорах,
Что покидает, когда её ждут,
От расставанья с которой
Мчишься куда-то сквозь ветер и свист
Слов, себе данных, не помня,
Словно безбашенный мотоциклист,
Пересекающий полночь.
Всё в перспективе, утратившей высь,
Если не мелко, то плоско.
Как обстоятельства, переплелись
Улицы на перекрестках.
Жизнь разложить бы по полочкам, но
Снова отколет коленце.
Всё объяснимо, не ясно одно:
Чем успокоится сердце...

* * *

Послушай город, словно отчий зов,
Крадущуюся поступь сквозняков
В его подъездах, сочное арго
Базаров, криминальное танго
Листвы, впитавшей горечь октябрей
И горловое пенье сизарей.
Послушай город, облечённый в смог
Истории, её высокий слог
На мостовых с улыбками подков,
Порт, что пытается мускулы бортов,
Нетрезвый шепоток смуглявых ниш.

Как собиратель звуков ты — услышь
Кардиограмму лестниц и шагов
По лестнице. Молчание мостов,
Кариатид, что держат край луны,
Шум в сердце тех, кто родиной больны,
И отголоски давних голосов
В гербарии сменённых адресов.
И муку тех, кто там, в чужом краю,
Услышь как город и как боль свою.

Чем больше лет, тем ближе нам они.
К витку ракушки охровой прильни —
Там эксцентрично свёрнута в спираль
До хруста в пальцевых костяшках даль
Кварталов детства, скверов и округ.
Ты слышишь? Каждый звук — любимый звук.

* * *

У города есть башни и мосты,
У снега — ощущение высоты.
У гавани — вечерние огни,
Сквозь письма хлопьев светятся они,
И, на воде дрожа, вовлечены
В изменчивую пластику волны.

А лодочки отходят в край такой,
Куда везут с монеткой за щекой
Сквозь время в холод вещей, но чужой.

На то и жизнь, чтоб свидеться с душой,
Когда здоровый холод января
В железных лапах держат якоря,
У возраста — воспоминаний рой,
Но за одним пределом есть второй,
Когда поставить на кон — добрый знак —
На судный день отложенный медяк.

УЛИЧНЫЙ СКРИПАЧ

...Здесь фанная скрипка с венгерским акцентом,
Едва зазвучав, соглашается с вами,
Что музыка может не знать себе цену,
Но мыслью владеть, не владея словами:
По-вдови печальна, по-детски наивна,
С дурашливостью площадного фигляра.
...Зеленые, красные, синие гривни
Летят на суконное донце футляра.
Маэстро на улице — как на подмостках —
Выводит смычком ретроградное соло
Столетия, склонённого над перекрёстком,
Как шёпот раскаянья в нише костела.
Играй же, скрипач, даже если не в духе,
Хотя б из нужды, береги этот улей
Отчаянья, чаяний, робости в слухе
Под *аплодисмент* настороженных улиц.

* * *

Визитка двух веков — одесские дворы,
То молчаливы, то сварливы...
Но — добры!
И мой пристроился у кромки тротуара
Чуть сбоку, чуть с припеку от базара,
Как серый ослик у ядреного овса.
А время движется, меняя адреса,
Его синоним — жизнь.

Под ветром заоконным

Не переспорит твердолобости бетона
Ракушечник, имея мягкий нрав.
Еще стоят, носы щербатые задрав,
Мои дворы,
хранят преданья и скворечни.
Но даже, что любимо, то не вечно.

ПИСЬМО ОДНОКЛАССНИКУ

Стены цвета мамалыги. Закуток.
Жарят скумбрию. На кухне ждут гостей.
На крыльце секретом делится замок,
Двор парит на крыльях белых простыней,
Врос в сознание каждый школьный позвонок.
Под насмешливый укор кариатид,
В два шага крылечко — болевой порог:
Образ мыслей, как коленки, в кровь оббит.
Здесь осталось жизни более, чем лет,
А судьба длиннее календарных дней.
Скрыт прошитый белой штопкою секрет:
Друг для друга мы, чем дальше, тем нужней.
Приезжай, повспоминаем, посидим,
Свесим ноги в море с краешка весны,
И через плечо обратно поглядим,
Как сбежавшие с урока пацаны.
Выдув памяти заначки из углов,
Засвистят в четыре пальца чердаки.
Время милостиво, возраст не суров,
Смолкли грозы, свесив радуг языки.

* * *

И вечер, что растрогал иву,
И прошлое, с которым квиты,
Для нас и памятно, и живы,
И потому сто раз подшитый
Пиджак обнимет спинку стула,
С былой горчинкой звякнут тосты.
Я буду старым и сутулым,
А ты ворчливою и толстой.
Но мы пойдём, как прежде, мимо
Рядов мешочного базара,
Церквушки, бережно хранимой
Святой Марией, вдоль поджарой
Казармы, — по тому же кругу,
Чтоб я, над будущим шаманя,
Опять твою сжимал бы руку
И согревал в своём кармане.

* * *

Как фото просроченной кисвы,
Теряющей сходство с владельцем,
Обшарпанный дом, но красивый.
Амурчика пухлое тельце
С отбитой кудряшкой из гипса
Над стенкой, заигранной в жмурки.
Раскрошены осени чипсы,
Отпав шелухой штукатурки.
Он ждет возвращенья хозяйки.
Сквозь время он выстрелит точно,
Сквозь двор, где кальсоны и майки
Закрыли гобой водосточный,
Сквозь дым пережаренных перцев.
...Когда-то я здесь для прикола
Стрелу нацарапал и сердце
Обломком, подобранным с пола.

* * *

Трамвайчик проходит неспешно и плавно,
Как такт полонеза в прощанье недавнем,
Но дльщемся, словно скольжение минуты
По рельсам, где счёт остановкам маршрута
Звоночки ведут металлическим боем.
Кто может сказать мне, что я не с тобою?
Как можно представить, что ты не со мною
Проходишь сейчас под шершавой стеною
С высоким окном, обрамлѐнным лепниной?

С горячностью польской звучит пианино,
Скользит полонез, будто масло льняное.
Что стало с тобою? Что будет со мною?
Что важно в судьбе?
Не итоги, не факты,
Но их восприятие, но значимость фанта,
И то, что достаточно лишь оглянуться
На город с оставленной чашкой на блюде,
С пружинкой его музыкальной шкатулки
Близ юркого, как воробьи, переулка,
Где с легким кивком проплывают трамваи,
Присутствия нашего не замечая.

* * *

Ночь осыплет звёзды — только задень —
На секреты поцелуйной скамьи.
На досужую сверчков дребедень,
Не дающую побыть в забытыи.

Дверь плечом упрется в чёрный засов,
Завертит над лампой шар комарьё,
Я на стук твоих ночных каблучков
Невзначай открою сердце своё.

Переулок, битый шашелем лет,
Где мгновения клюют сизари.
— Что нас дальше ждёт? — спрощу, а в ответ:
— Проживи здесь жизнь и сам посмотри.

Каждый раз, когда не спится, я — там,
Но завидовать себе не велишь
Опускающимся с неба домам
Под седыми парашютами крыш.

Мы искали здесь с тобой маков цвет,
Приходили здесь любить тишину.
Переулок мой, которого нет.
Загляну в его глаза и — тону.

* * *

Время то снегом идет, то дождём...
То подставляешь ладонь звездопадам.
Что ж мы друг друга никак не найдём,
Словно забыв, что нездешнее — рядом?

Вновь ворошит с любопытством рассвет
Воспоминанья, как письма в шкатулке.
Что ж мы блуждаем, и каждому вслед,
Щурясь от солнца, глядят переулки?

Поиск вчерашнего дня на потом
Перенести бы рассеянным взглядом.
Где эта улица? Где этот дом
С криком грачей над щербатым фасадом?

Возглас предательски громкой петли?
Дверь, а за ней — всё, что было вначале?
...Будто давно мы друг друга нашли
И не заметили, как потеряли.

* * *

У города на каменном лице
Не видно прежней радостной улыбки,
Как будто роль ведущей первой скрипки
Играет барабан.

Зато в конце

Квартала, где чумак* уткнулся в высь
И флюгер вторит пению уключин, —
Там детство и отечество слились,
Переплелись и стали неразлучны.

Я б всё оставил, чтобы жить с тобой,
Когда б не здесь была моя планида,
Когда б весну не выдумал прибой,
Чтобы дурачить удочкой ставриду,

Не дом, — хоть ты в нем больше не живешь, —
Где расцветает кактус на окошке,
А воробей веснушчатые крошки
Ворует, как пронырливый Гаврош.

* Чумак — дерево-дичок.

Когда б туда стальная колея
Не уводила лунною дорожкой,
Где, на ходу запрыгнув на подножку,
Вослед мне машет молодость моя.

* * *

Громоздятся этажи,
Строясь кубиками детства.
Дом мой это в жизни — жизнь,
Боль её и лицедейство,

Угол — в четырех углах...
Передразнивает солнце
Беглый зайчик в зеркалах
Окон
сонных и бессонных.

Здесь внизу — как наверху,
Выход — входа продолженье.
Как признание на духу
С верой в рукоположенье,

Мой видавший виды дом,
За года проросший в небо.
Тут слышнее тёплый гром
Над раздольем, полным хлеба,

И добрее злоба дня,
И круглей глаза округи.
Мы роднее, чем родня,
Мы давно живем друг в друге.

* * *

Разве мало весны с переменами ежеминутными?
Ну куда ты? Зачем? Или плохо тебе на земле?
Я потом научусь возводить купола парашютные —
Ты возьми в полнолуние с собой полетать на метле.

Вечный гуманитарий — сегодня я воздухоплаватель.
Свесив ноги, сижу и к тебе прижимаюсь плечом.
Я склонился над городом, словно алхимик над сплавами.
Счастье — миг откровенья, когда тебе все нипочём.

А теперь не хожу я по улицам, вместе исхоженным.
После мягкой посадки мы странствуем по одному.
Спецэффекты — обман. Мужичку в небеса не положено.
Розу вешних ветров больше я не дарю никому.

Буду книги читать и лепить по субботам вареники,
Телек переключу с мелодрам на другое кино.
И ко сну отойду, покружив по квартире на венике,
Перед этим плотнее от неба зашторив окно.

А тебе подарю средство передвижения новое:
Не на праздник, не к дате, а так... чтоб на душу легло, —
Тонких прутьев охапку и лёгкое древко кленовое,
Чтобы править на облако было не так тяжело.

* * *

Простая гамма сложных отношений.
Не доиграв этюд, рояль затих.
Нет ни увещеваний, ни решений.
Заварен кофе только на двоих.

Так хорошо, что большего не надо,
Так близко всё, что незачем спешить.
Легко принять свободу за награду
И за ошибки жизнь благодарить,

И краем глаза видеть след помады
На белой чашке с тонким ободком,
И тишиной горчинку листопада
Смягчать, как чёрный кофе молоком.

БАТУМИ

Гуляет по улочкам говор гортанный,
Харчевни с крыльца зазывают туристов,
В воде отразив разноцветные страны,
Вдали с горизонтом сливается пристань.

Ты смотришь сквозь редкие листья ореха
На башню эгресскую с гордой осанкой,
Теряясь в пространстве, как горное эхо,
Как улочки города с древней огранкой.

Сейчас там, подняв беззаботный стаканчик
Прозрачного, как небеса, цинандали,
Поёт и не знает усатый духанщик,
Кто выдумал эти безмерные дали.

Повисла над крышами тучка баранья,
Ручьями теней растекается вечер.
И вот между нами одно расстоянье
С возможностью и невозможностью встречи.

* * *

Поджимая колёса, как будто озяб,
И дрожа на лету,
Прорывая тумана потрёпанный драп,
Набирал высоту
Самолёт.

Можно жить без оглядки назад,
Но смотреть с высоты,
Как столетнею ватой барашки лежат
И белеют хребты.

И заводит при виде кавказских вершин
В круглой кепке старик
Виноградную песню застольных грузин
Под младенческий крик —
Чистоте его внял и на крыльях унёс
Норовистый Пегас.
Луч зажёгся в копне твоих рыжих волос
И, как осень, погас.

Чтоб достичь тебя, нужно постичь вертикаль
В десять тысяч шагов,
За спиною оставив чужую печаль
Городов и снегов,

Тесный глобус, где маются материки,
И нащупать рукой
Черно-белую клеточку чистой доски.
Сделав ход! А какой?

Все под звёздами, как перед Богом, равны,
Только я не хочу
Ни войны, ни вражды, ни земной седины,
Чтоб затеплить свечу.
Отрешась от казённых домов, где враньё
Проступает сквозь грим,
Неуклюже молюсь, чтобы небо твоё
Оказалось седьмым.

Но о будущем нашем известно уже
В многослойных мирах.
Сизый лайнер гудит на крутом вираже,
Бродит эхо в горах.
И не дольше, чем есть, ожиданье,
когда,

Взгляды соединя,
В тёмном иллюминаторе та же звезда,
Что в окне у меня.

* * *

Проснулся вечерний сверчок,
Нашёлся луны пяточок
За облаком,
 и осторожно
Прошёлся по сердцу смычок.

Чтоб тайну гармонии впредь
Скрипичным ключом отпереть,
Мы будем смотреть друг на друга
Так, словно друг в друга смотреть.

В задумчивости, как во сне,
Тебя ли я вижу во мне,
Себя ли в тебе — отражённой,
Как в зеркале, в тёмном окне?

Но, чтоб расставания мгла
Застать нас врасплох не могла,
Не будем согласно приметам
Смотреться в одни зеркала.

* * *

Вместо счастья мне обещаю
Даль и клинопись птичьих стай,
Ночь и августа маков цвет,
Рунной музыки флажолет.
Я прошу у тебя не много.
Подари мне на память дорогу.
Пусть догонит меня жеребенком,
Не откажет в лёгкой суме.
Тайно благословит иконкой
И утешит вином в корчме.
А другого не обещаю.
Я потом оглянусь невзначай
На подаренную дорогу
С лебедой её и тщетою,
Пусть мешали пыль под пятой,
Острый камень, подъем крутой.
Но она и была от Бога,
Но она и была золотой.

* * *

Тучка сверху, крыша снизу,
Свист крылатый в синеве,
Между ними голубь сизый,
День вчерашний в рукаве.
Волны лодочку колышут,
По воде идут круги.
Писем более не пишут,
Как от сердца, — от руки.
Торг ведет быльём старушка,
Как в музее, у неё
Покупаю непролюшку* —
Трехгрошовое старье.
Что забыто — то не мило,
Счастье помнится само.
Обмакну перо в чернила,
Напишу тебе письмо.

* Непролюшка — чернильница.

Вышлю в сторону заката,
Номер дома — вся земля,
Ведь письмо без адресата,
Словно лодка без руля.
Может, встретимся однажды,
Не на век, так на часок.
Ты на краешке бумажном
Черкани мне адресок.

* * *

Надеждами шуршащий дождик,
Крылатый шепот за плечом,
И день, что навсегда продолжен
В листе желтеющим лучом.

И мы под зонтиком горбатым
Скрываем видный всем секрет,
Уже заране виноваты
В одышке разобщенных лет.

Буклет советов залежалых,
Софистика глухих тетерь,
Дожди, смущённость листьев ржавых —
В кругу вещей. Но как теперь

Обряд случайных встреч исполнить:
Кивнуть ли, руку подавать?
И что трудней: любить и помнить
Или любить и забывать?

* * *

От жажды скупы суховеи,
Призывны долгие дожди,
Надень мне ладанку на шею.
Меня в дорогу проводи.

Как время — это измененья
Пространства и его кругов,
Так сохранится в нем движенье
Твоей руки, моих шагов.

Лишь ты в пути без расстоянья
И счета календарных дней
Подаришь мне воспоминанье,
Чтоб оказалась жизнь длинней.

* * *

Где божественный Данте закончил земные круги,
Где пылающий Байрон любовь свою прятал за стены,
Я когда-то родился... Тех лет продолжая шаги,
Я вернусь в этот город, что вечностью назван Равенна.

Хладнокровный, как мрамор, врезается в сумерки дня
Парус, выпятив грудь.

Тает в море напев колыбельной,
Спетой не для меня. А могли бы покоить меня
Рей сосновых качанье и шорох сосны корабельной.

Как ребёнок, играл бы с дельфинами, как мореход,
Вновь открыл бы и порт, и флажка указующий палец,
И сквозняк переулков Равенны, в которых живет
Дух пророчеств, летающий над тишиной усыпальниц.

Нет к пророкам любви, но слова, избежав глухоты,
Иногда одинаково слушают сердце и уши.
Там закрыты долги, и манжетами стёрты висты.
Ни одним парадоксом поток перемен не нарушу.

Но хотя бы увидеть за шторами твой силуэт,
Только б глянуть в окно, толщу времени преодолая,
Где, наполнив кувшин, чтобы в воду поставить букет
Белоснежных цветов, ты всегда меня ждёшь, дорогая.

КРЫМСКОЕ...

Не сказать — словно кожу ссаднить о наждак,
А признаться — как лист вырывать из тетрадки...
О курортных романах судачит Судак.
Может быть, и о нашем, приврав для порядка?

Я бы внес обязательно в крымский буклет
Даже глиняный голос из уст окаринки,
Чебуреки с дымком, и счастливый билет
Попугая-гадалки, и пряности рынка,

Что слегка осовел от жары и стряпни,
На котором не страшно прослыть легковерным,
И по пальцам считать календарные дни,
Что со внутренним временем несоразмерны.

Как уйти от каракулей тех адресов
К серым канцеляризмам, простудной погоде,
В свой умеренный климат, где стрелки часов
Переводят, чтоб жили мы не по природе?

В чаше синей долины остался Грааль,
Спор наш на поцелуй и мой проигрыш в споре,
Привкус позднего лета, как терпкий миндаль,
Что растет вдоль дороги, впадающей в море.

* * *

Под небом яблоки висят,
И вечность продолжает тему,
Как будто этот тихий сад —
Остаток бывшего Эдема.
Как будто мы еще в раю,
А не изгнанники из рая,
Потерянного в том краю,
Где гаснут звуки, замирая.
Потерянного так давно,
Что места нет для ностальгии.
Да и не первенцы мы, но
В постигшем будущем — другие.
И все же выпадает нам,
Узлов судьбы не развязавшим,
Воздать за яблоки громам,
Потрясшим лиственную замшу,
Теплить рассветы на стрехе,
И наслаждаться ветром встречным,
И радоваться во грехе
Тому, что мы не безупречны.

* * *

Останутся и вид на Ланжерон,
И, кроме волн, прозрачных от лазури,
Облезлый парк, пустой аттракцион,
И на зубах хрустящий хачапури.

Останутся ребристый блеск бортов,
И челнока падения и взлеты.
Радужный пляж не любит холодов
И теорем, приближенных к расчёту.

Из слов, которых некому сказать,
Рождаются стихи. Лишь тет-а-тета
По телефону лучше избегать.
Как мотыльки, сложили крылья тенты.

Опять надежда — логики сильней,
Страницы книг бессонница листает,
Все так же: чтоб прозреть в один из дней,
Лишь комариной плешки не хватает.

И свежий взгляд, и легкость на заре,
Уключины с присущим им фальцетом,
Горланящие чайки,
в октябре
Такие же крикливые, как летом,

И начатый недавно день уже
Останутся как жизненная ценность,
Под хруст аджарской выпечки — душе,
Не доказав, что время — это бренность.

* * *

В доме всё тебе расскажет обо мне:
Свет в окне и занавеска на окне,
И от бабушки сервиз недорогой,
Белый слоник со слонихой — от другой,
Кладовая, что не любит пустовать...

Приходи — и будем зиму зимовать.
Хочешь, полочки развешу по углам,
И обиды наши выброшу, как хлам,
Занавески сменим, обустроим впрок
Во Вселенной заповедный уголок.
Хоть на чай зайди — спасибо и на том.
Улыбнется уголками стенок дом
И, как длится наше счастье, наперед
По-хорошему с три короба наврёт.

* * *

Как пригоршню крупы — точь-в-точь —
Склевали звезды сизари.
Ноктюрном оживает ночь
И зажигает фонари.
Еще один... Объединить
Он хочет музыку и свет.
Еще один... Лучится нить
Сквозь межреберье стен и лет.
Еще... Он выбрал наугад
Крыльцо и встал, как почтальон.
Ему уже открыть спешат.
На связке песен и времён
Звенят скрипичные ключи...
О счастье, раздвигая тьму,
Опять задумался в ночи
Фонарь.
И — светел потому.

ЗИМНЕЕ

Пустует бар. Снег расстилает скатерть
По столикам. Вдали белеет катер.
Скругляет море острые углы.
На льду блестит хрустальная улыбка.
И втайне ото всех взлетает скрипка.
Смычок взлетает. Сумерки белы.

Пустых бокалов круглые матрёшки.
Почти из рук хватают чайки крошки,
Чем несказанно радуют зевак.
Зима. Возможно всё, как у Шагала.
...Под нами хруст приبلудного квартала
И, словно поплавок, дорожный знак,
Ненужный — в небе.
Снежно и свободно.
И — неразлучно! Я чего угодно
Ждал, но такого не предполагал.
Обложку репродукций съели мыши.
И вот — горбатый мост, косые крыши
Внизу... Куда с таких же Марк шагал?

А мы куда, живые персонажи
Его картин? Наверное, туда же.
И кто-нибудь, земной судьбой щадим,
Посмотрит вверх, качая головою:
— Куда летят безумных эти двое?
А мы и не заметим, что летим!

* * *

Что имеешь — то и неси,
На плече натирая кожу.
По-кошачьи урчат такси.
Ветру лужица корчит рожи.

Замыкает трамвай маршрут,
И глаза у рассвета мокнут.
Если могут, любовь не ждут,
Или следуют... если могут.

Альтер эго, фатум, фантом —
И не в том она, и не в этом,
Открываясь и в этом, и в том.
Раздарив обещанья лету,

Переулки водицу пьют,
Гуляют над конопатым просом.
Если могут, любовь дают.
Если могут — её не просят.

* * *

Всё, что выше нас, — это высь.
Были б наши глаза открыты,
Мы бы знали, как там срослись
Наши чаянья и орбиты.

Чужестранцы в раю земном —
Ловим ветер над пепелищем
И друг друга не узнаём.
И пока не узнаем — ищем!

Что застигнутым здесь вдвоем,
Нам присудит закон незримый:
То ли вышлют за окоём,
То ли в небо опять низринут?

* * *

Пережив обиды, можно убедиться,
Что прощение подобно пониманью.
Дворик дремлет, как нахохленная птица,
И луна огромна, как воспоминанье.

Ночь nemá. Пластична тени пантомима.
Молча хмурятся оббитые пороги.
Мир все тот же: что несёшь, — переносимо,
От чего ушел, к тому придешь в итоге.

Круг закончится — начнется жизнь иная,
Будет новый гороскоп на небосклоне.
Я пойму тебя и в будущем узнаю
По дыханью, по касанию ладони.

В ЧАЙХАНЕ

Не говоря о том, что в подоплёке,
Спускается июль по серпантину,
И бронза лета под его патиной,
Тревожит, но — влечёт.

В одном потоке
И пиала, с которой сумрак чайной
Следит качанье солнца на брелоке,
И тысячи явлений без названья...

Заранее создатель мирозданья
Задумал, что важней всего не тайна
Как суть вещей, но — таинство его.

В природе, сохраняя *статус кво*,
Привычно море пенится у мыса,
Морочат волны пирсовый торец,
Шуршат ветвей зеленые кулисы,
Скрыт во плоти любого кипариса
Не извлечённый анненский ларец.

* * *

Все, что могло быть, сказано до нас:
На полках больше книг, чем книжной пыли.
Те намудрили, те перемудрили,
А те их повторили про запас.

Но клясться чьим-то именем легко:
Монтень под скукой здравый скепсис прячет,
Ослепший Борхес видит лучше зрячих,
Познав мораль, острит Ларошфуко.

А те, кто чьи-то истины зубрят,
Лишь в поисках участия книги пишут.
То ты не слышишь, то тебя не слышат,
А чаще просто слушать не хотят.

Земля же будет в профиль, как анфас.
Забывтое вчера — сегодня ново.
И не молчанье золото, а слово.
Всё сказано до нас.
Но не за нас...

Лучшее
сбывается
сейчас

ХАДЖИБЕЙ

1

Спит на боку разошедший баркас...
А больше ничего не происходит.
Лишь солнце, раскалив пустой лабаз,
Издержки жизни, как чернила, сводит
В амбарной книге.

Лишь с кормы баклан
Глядит в зенит, как часовой погоды,
И потерял от лености лиман
Счет датам и волнам.

Рыжебородый
Мыс направляет очевидцу в глаз
Цветной стекляшкой отражённый лучик, —
Или подковой, что носил Пегас? —
Всё лучшее сбывается сейчас.
И незачем печалиться о лучшем.

2

К лиману солнце катит скарабей,
И отражают зыбкие скрижали
И не прочтённый подлинник степей,
И свод небес, исчёрканный стрижами,
И то, что все мы — в челноке одном,
Чего не скрыть из добрых побуждений.
Как рыба кверху брюхом — кверху дном
Всплыл омут лет для новых воплощений.

Как ощутить воды зелёной сонь
Без верной лодки в мареве солёном,
Что мокрым носом тычется в ладонь,
Как на крыльце кутёнок несмышлёный?

Я знаю, жить не может красота,
Не прибавляя к радости печали,
Сангиной сентября сводя с куста
Дни, что прошли и нас не подождали.

Уже не жалко: было и прошло,
Как память до десятого колена.
Уже не жарко: тихо и тепло.
И, несмотря на всё, — проникновенно.

* * *

Молчком, но с явным интересом
Зеленые ряды посадки
Соизмеряют тайну леса
С очарованием загадки.

Качнутся веток силуэты,
И облаков густые брови
Сойдутся в поисках ответа
С макушками акаций вровень.

И поплывут с отгадкой странной,
Что жизнь отсчитывают весны,
Которым завершаться рано,
Которым приходить не поздно.

* * *

Волей осени расставлены точки.
Только с нею можно так. Только с нею...
Как в тумане, расплываются строчки,
Но зато, что между строчек, — виднее.

Рассмотреть подробней мир бесконвойный
Не случилось?

Может быть, и не надо!

Все равно перед окном беспокойно
Листопады шелестят. Листопады...

И того преобладает значенье,
Что сказали. И о чем — не сказали.
Постепенно ухудшается зренье.
Но становятся заметней детали.

ПРОГУЛКА

Пришел свой час — назначил свой порядок,
На склонах осень выпала в осадок.
На Пушкинской октябрь, и на бульваре
Октябрь.
Я, этой данности частица,
Эстетствую, любуюсь продавщицей,
Представив в северянском муаре.
Иду, опальным золотом шурша,
Грош за душой докажет: есть душа!
Лишь хлеб небесный дан по птичьим крохам.
Я не спляшу под дудку скомороха,
И мировых проблем не разрешу.
Я только возглас. Продолженье вдоха
И выдоха.
Чем море не эпоха?
Бездельничаю. Денег не прошу.
Спускаюсь к морю. Думаю. Дышу...

* * *

Зима нахлынет белая, как май.
Я впрок сушёных ягод заготовлю
И трав, чтобы варить целебный чай
И слушать, как подрагивает кровля,

Вникать сквозь сон и законный мрак
В ту песню, что протяжно и гортанно,
Крутя шарманку, затянул маяк,
Чтобы развеять грёзы и туманы.

Перетечёт прохлада в холода,
Прихода их воинственное кредо
Я б так хотел оставить навсегда.
Но никуда отсюда не уеду!

И соглашусь, что втайне домосед,
Но не изгнанник. И тогда расслышу
И гул ветвей, и ветра хмурый бред,
Как некий голос, что нисходит свыше.

НА СПАСА

Самый срок готовить рукавицы
Про запас и гнать мышей от круп
В кладовой, как правду — небылицы,
Кверху мехом вывернуть тулуп.

И сгущать кофейные прогнозы,
И гадать, куда в седых лучах
Улетают осы и стрекозы,
И о чём задумался очаг.

Будет осень греться лампой ржавой,
Разогнутся яблони в саду.
Настойтся, исцеляя нравы,
Время на полыни и меду.

По вселенским правилам движенья
Жажда чуда, вера в волшебство —
Не спасенье, но преображенье,
Что важнее чуда самого.

* * *

Закрой окно, метель и так слышна —
В ней нечто есть от скрипки и гобоя.
Как — у Вивальди!..

Что творить с тобою
Способна только музыка одна!

Наполнись!.. Есть у каждого из нас
Свой слух, свои излюбленные строфы!
У каждого дорога на голгофу
Своя — не проглядеть бы звездный час.

Но нам ли ведать, что предрешено?
Вновь лето пахнет медом разнотравья.
Вдали от грома славы и бесславья
Навстречу тишине раскрой окно.

Что есть внутри, то видится вовне.
Бесценное мучительно в цене,
От лип окрестных дует ветер клейкий,
И звезды на небесном полотне
Раскладывает ночь-золотошвейка.

ИМПРЕССИОНИСТ

Художник выпивал стакан вина,
Этюдник брал и уходил подальше
За город, где рассеивались дачи,
Где округляла дали кривизна,
А справа за плечом стоял восход,
И, щуря глаз, работал до заката.
Морская галька легкое стаккато
Бубнила, и зевал щербатый грот.

Вот парадокс искусства: внешний вид
Художника неярк, он небрит,
Вдали от моды, светскости, мазурок,
Сам неказистый, как его окурок,
А вот поди — прекрасное творит,
В мгновениях и красках ищет сходство!

Служение искусству — благородство,
Воспитанное каждым в свой черёд.
И что тогда известность и крамола?
Он ловит брызги мелкого помола,
Перебирает и на холст кладёт.

Так и живет художник Клод Моне,
От круглых франков пухнет портмоне,
Глаз различает ультрафиолет
И те цвета, которых в мире нет.

* * *

С. Алеяну

Звучит дудук... Внимай и верь,
Что в дудочке как подоплёка
Душа Армении далёкой
И абрикосовая ветвь.

Восходит щедрое зерно,
И песне верится протяжной,
Томительной, как губы, влажной,
Красноречивой, как вино,

Непокорённой, как снега
Прозрачного высокогорья,
Где, мудрость обретая в горе,
Страна уходит в облака.

И уговаривает нас,
Что в неизбежном всё — без боли,
Как будто нет земной юдоли,
Но есть предназначенья час.

Поёт задумчивый дудук,
И храм, и Бог, представший в камне,
Из древности в бессмертье канут.
И дверь откроется на стук.

Однажды в юности и я
Ходил по улочкам Звартноца,
И если юность не вернется,
То память возвратит моя

К седому дому старика,
Что встал над милостью и злостью,
Но в путнике встречая гостя,
Налил мне кружку молока.

БОТАНИЧЕСКИЙ

С утра был весел, а теперь грустит,
Глядит, уняв бузинную жалейку,
Как, взяв метелку, ветер норовит
Расчистить хмарь с нехоженой аллеики.

Вздыхая, как живое существо,
Он был, но не хотел быть просто садом
И сделался нескучным оттого
С листвой, её кругами и *glissando*,

С избушкой, что стоит особняком,
С особняком старинным и неброским,
С не менее лирическим дуплом,
Чем то, где прятал весточки Дубровский.

Да и о нас намного больше нас,
Казалось, знали ясени и кедры,
Когда скрывал просмоленный каркас
Биенье сердца в ксилофонных недрах.

Сад не внимал ни числам, ни годам,
Но понимал за рёбрами ограды,
Что растекаясь мыслью по ветвям,
Он лишь приблизит сумерки распада.

В кругу трамвайных трелей и орбит
Он, тишиной укрывшись с головою,
По-детски притворялся, будто спит,
Чтобы его оставили в покое.

СОБАКИ

Собаки лаяли всю ночь,
Срывая злость или кручину
На всех, которым не спалось,
Как им, без видимой причины.

При надломившейся луне
Вдохнув туман, как дым табачный,
Наверно, жаловались мне,
Как заедает жизнь собачья.

А, может, им, пугая сов,
Хотелось всем дворняжьим войском
Воззвать к созвездью Гончих Псов,
Чтоб там их поняли по-свойски,

Как оскорбителен хот-дог,
Хоть с ним родство неочевидно.
Но их четырехлапый Бог
Играет в кости деловито.

И милости им ждать невмочь,
Как гостю приглашенья к чаю.
Собаки лаяли всю ночь,
Неведомо на что сердчая.

ОДЕССКИЙ ДВОР

Здесь хвастались домохозяйки,
Мирились вином мужики.
Здесь шило меняли на швайку,
Стучали годов каблуки
По лестницам, и попрошайки
Канючили.

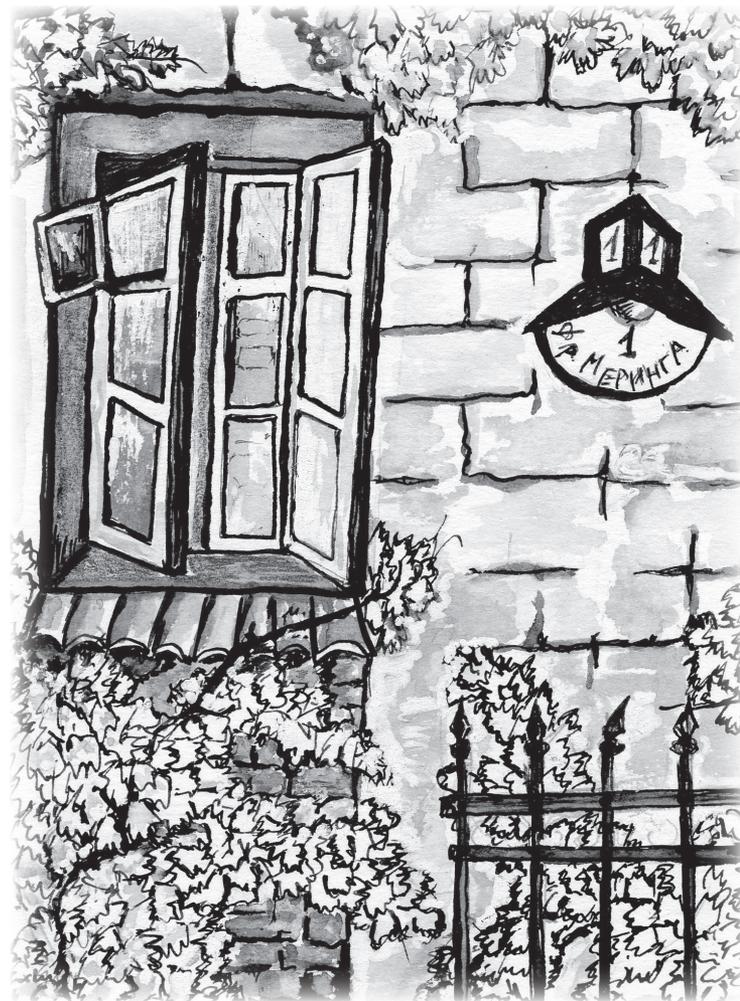
Им как поблажку
Бросали из окон в бумажку
Завернутые пятаки.

Калека с прокуренным ртом
Беззубым, как пороховница,
Кричал: «А кому прохладиться,
Кому освежиться-напиться
Холодной водички со льдом?!»

И в праздники для детворы
Цыгане с утра надували
В малиновой краске шары
Малиновыми же губами.
И бойко на счастье гадали.

Простите, любимые дали:
Теперь ни даров, ни шаров,
Ни хриплых мембран патефонных,
Ни контуров крыш, заключенных
В миражных квадратах дворов.
И нас в той обители нет.
Лишь выкроен неба кусочек,
Похожий на синий платочек
Из песенки маминых лет.

ВЕСЕННЯЯ ЛОШАДКА

Что радовать может?
Да вот же:
Скворцы всю весну напролёт!..
Беспечно отпущены вожжи,
Свободно лошадка идёт,
И гривой тряхнув, как плюмажем,
Влечёт, умыкая от бед,
Возницу с возком без поклажи.
И вишня цветёт ей вослед.
И кажется делом привычным,
Что лошадь, попоной шурша,
Не думает, как архаична,
Не ведает, как хороша.
Пасхальную рюмку возница
Поднимет за вишенный мир,
Чекушку за красной божницей
Припрятав. И мир ему — мил!
И вместе с подружкой лохматой,
Катая на козлах апрель,
Надышится ароматом
Влюблённо, как песенный Лель.

Поборник славянского культа,
И я расстегну пальтецо.
Внимательный ветер, как скульптор,
Ощупывает мне лицо.
Так образ апреля, и оклик
Ветвей его запечатлён,
И ликом становится облик
Окраины новых времен,
Обочины Первой Заставы,
Пчелиной заботы пыльца.
Когда это кончится, право?
Не знаю... Не видно конца!

* * *

*Самый старый мёд,
из когда-либо найденных,
имеет возраст 5000 лет.*

Википедия

Дай мёду мне, звенящая пчела!
Крылатый мускул в небе золотится,
Объятия раскрыла медуница,
Вонзается волшебная игла
В душистый ковшик.

И нектар искомый,
Мастеровым сноровистым народцем
Из рода легкокрылых насекомых
Добытый, по усам и пальцам льется
Уже пять тысяч лет.

Пчела умрёт.
Приходит преходящее... Но мёд
И мухи — это остается.

Свет
очистительной
печали

* * *

Как прядь, откинешь тень со лба.
Дверная звякнула скоба,
И костяной ногой судьба
Непрошено стучит.
Не выставляясь напоказ,
Дорогой битая не раз,
Хоть и могла бы, но сейчас
Ничем не огорчит.

И все же, вглядываясь в тьму,
Велит, не знаю почему,
Не нужный боле никому
Отыскивать предлог,
Чтобы в цветных лучах реклам,
В тиши оконных амальгам
Вести с собою сам на сам
Полночный диалог.

С зимы ведёт, как по резьбе,
К весенней детской худобе.
Чем ближе к самому себе
Ты в сутолоке дней,
Тем без усердия зануд,
Без мантий, каверз и причуд
Творимый над собою суд
Печальней и честней.

* * *

...И потому, что не с кем разделить
Воздушный ком гортанного молчанья,
Ночь переждать трудней, чем день прожить,
В который верят прихожане.
Влекомый ветром силуэт совы,
На миг запечатлённый лунным диском,
Волненье сосен, трепетность травы
Так велики, что вдохновенье близко,
И в позвоночнике подсакивает ртуть,
И вспоминает куст о райских кущах,
И «сквозь туман блестит кремнистый путь»,
Тебя, быть может, одного и ждущий.

ИИСУС

Какие сомненья: конечно же, был!
Вздыхал свои руки над медными лбами,
Смеялся, кормил маловеров хлебами,
Судьбу узнавал по движенью светил.

Конечно, обратно вернуться сумел,
Но как в человеке любить человека
Не смог объяснить неразумному веку,
А права ему повелеть — не имел.

Рёк истину, только не знал, как сберечь
В умах новизну её легкого слога,
Что веровать нужно не в Бога, а — Богу
Как Слову, с дыханьем входящему в речь.

2

К тому, что слышал, добавлять не буду:
С дарами шли упорные послы,
В сугробах вязли желтые верблюды,
Брели с поклажей сквозь метель ослы.
Им путь туда указывала Спика,
Где ничего не зная про закон,
Сиял младенец, первородным криком
Оповестив про новый счет времен.
Когда волхвов провидческая лира
Всем возвестит второе рождество?
Вновь облетит благая весть полмира,
И новых звезд зажжется волшебство.
И, кажется, воспрянут люди духом —
На век? Или на несколько минут? —
И вопреки пророчествам и слухам
Опять поверят!
...И опять распнут?

3

Не столько падал, сколько ниспадал,
Скользнув по кровлям будничной недели,
Небесный луч, который указал,
Где будущее дремлет в колыбели.
Кто мог, тот верил, кто не мог, тот ждал,
Кто вразумлен был, тот не подал виду.
Немногословный Иордан мерцал,
Как будто ощущал свою планиду
Быть превращённым в первую купель.
Длинней эпох, но распрей их короче,
Соединял пространственный тоннель
Земную брэнность и сиянье ночи.
Любви, чтоб жить, не нужно ни строки.
Но без любви не сможет жить поэма.
Ночь. Рождество. Слагаются стихи
На вечно недосказанную тему.

* * *

Косматой стужи зимнее крещендо!
И, как по уговору, на Крещенье
Посыпал снег, забористый, густой,
С резьбой затейливой и радостью простой,
И превратил дороги в бездорожье.
Есть в красоте и вправду воля Божья,
С которой он кружился над водой.
Метель бела, зеленоглаза ель,
Сияющей, а не бесснежно-серой
Зима глядела с замираньем сердца
В морской залив, как в отчую купель,
О чём не скажешь: было и прошло.
Еще доверчивей домашнее тепло
К тому, что ночь обогревает свечка.
Горит, как глаз совиный, уголёк,
И, пробудившись, храбрый мотылёк,
Мне что-то хочет рассказать про вечность.

МОИСЕЙ

Привел, и спас, и жертвенник воздвиг,
И ощутил, внимая стаям птичьим,
Что он не старец, а простой старик,
Под вынужденным согнутый величьем.

Не мог он ждать участия от родных,
Кровь разогреть вином, боясь огласки,
Вкусить очарованье женской ласки,
Такой доступной тысячам других.

И, наконец, мудрец не знал того,
Как воды одиночества глухого
Преодолеть.

Народ был весел снова,
Любил чревоугодьё, шутовство,
О доблестях чужих судил толково
И забывал пророческое слово,
Когда пророка славил своего.

ИУДА

Посмеет рассказать не каждый зритель
О том, что видел.
Слушатель смолчит.

Иуда явно ведал, что творит,
Как наперёд всё знал его учитель
Движеньем вещей крови, дрожью жил
То, что должно случиться пядь за пядью,
Что истина, которой он служил,
Дойдёт к нам лишь ценой его распятыя.

Обжегся на огне — на речку дуй,
Чтоб не вникать — используй трафареты.
Так, муслят даже в спичах и газетах
И этот пресловутый поцелуй,
И эти пресловутые монеты.

Нет всепогодной травли без охоты,
Нет рукописей без черновиков, —
На то и нужен труд учеников,
Чтоб черновую выполнять работу.

Кому дано услышать Божий глас,
Провиденье понять в урочный час?
Простите нелюбимого Иуду,
Не отрицайте предпосылки к чуду,
Не порицайте тех, кто выше нас.

ПЁТР

Пришел преображённый месяц
Со сдобой, с красными кистями.
Восходят звезды.

Тесто месит

В макотре с круглыми краями
На кухне бабушка Наталья.
И утерев платком крестьянским
Слезу, передает с печалью
Рассказ о ночи Гефсиманской.

Что хуже нет греха, чем страх,
И жалок стыд, грядущий после.
О твердости своей апостол
Забыл, как видно, впопыхах.

Суровый Пётр глядит с иконы.
Ну что ж он, камень, самородок?
...Трясется крепкий подбородок,
Насмешливо кричат вороны.

Слаб! Но по умыслу ли злomu?
Отрёкся? Да! Но ведь не предал...
Не позавидуешь святому
За горечь ту, что он изведал.

Я потрясён в свои двенадцать
Рассказом, полным парадоксов.
Я бабушке боюсь признаться,
Когда уже зарёй на стеклах
Играет жизни торжество:
— Я всех простил, я не отрекся
Ни от кого...

В МОНАСТЫРЕ

Подъем терпеливый и храм на горе,
И так же, как время ликующим прахом,
Посконная риза, подобно коре,
Объяла бесстрашные мощи монаха.

Он, глядя всему уходящему вслед,
Задумчив, как облако, мудрый, как сердце,
Он, словно из тех протопоповских лет
Доносит нездешний огонь стратотерпца.

...И срубы скитов погружались во мхи,
И падали черных деревьев скрижали,
И старцы трудом искупали грехи,
И воду носили, и камни тесали.

Я был в той обители, в дивной глуши,
Где самопознания вечная драма,
Где камни, что падали с чьей-то души, —
Ложились в основу дороги из храма.

* * *

О, Господи, пронзи меня любовью
И за слова неправые прости.
Перебираю чётки семисловья,
Как держат сердце в бережной горсти,
Неся над злом, над лежбищем опалы,
Не расплескав по капле на ходу,
Чтоб, как звезда, на камень не упало, —
Там, под ногами, не найти звезду.
Пускай поёт, когда ему поётся,
И не молчит, глаголя оттого...
Но мне ли знать, как слово отзовётся,
И то, как отзовутся на него?
Вдыхаю с эхом пот походных рубищ
Двенадцати, чтоб прежде слов земных
Простить, но не усопших, а — живых,
И полюбить, но тех, кого не любишь.

* * *

...А всё репризы тётушки-зимы,
К хромой погоде глупые придирки,
Под ветром неохотно сохнет стирка,
Коптит бараньим дымом шаурмы
Мангал. От беспоместной болтовни —
Прогнозов отфонарная тревога.
Из любопытства — чтение с эпилога,
Где, наконец, поженятся они.
Занудство ветра, сырость холодов.
Дав болеутоляющее, бежев
Линялый берег, странно, что себе же
Признаться в очевидном не готов.
Но хохлясь, как искатель пятаков,
В мохнатый шарф уткнувшись подбородком,
Вдруг радуешься снегу, как находке
Куда-то задевавшихся очков.

* * *

Солнце низко — почти у обочины,
Тёмный холод идёт от воды.
Для кого к небесам приторочена
Одинокая блёстка звезды?

Даже свечку неровно оплавило
Наваждение смутных времён,
Где под игры подогнаны правила
И не каждому писан закон.

Только ночь не бывает рассудочной.
Открывается небо окном.
В доме тихо, за стенами — сумрачно.
Утомлённо широким крестом

В обе стороны руки раскинуты,
Будто хочешь обнять белый свет.
Все попрал бы, как ангел низринутый.
Но иного спасения нет.

СЕНТЯБРИ

Тропа с повадкой бродяжьей
Ведет к тому, о чём не чаял.
Рассеивает пух лебяжий
Небесный город за плечами.

Вдыхаю землю, как впервые,
И взгляд, сверлящий небо, долог,
И входят в точки болевые
Травинки сотнями иголок.

Свет литургии...
В летаргию,
За грань младенчества впадаю,
Откуда сентябри златые
Восходят, зёрна слёз глотая.

И этот синь привносит в списки
Оконных лужиц светлооких,
Далекое поверив близким,
Чтоб не быть близкому далеким.

Так надо мной они кружатся
За то, что их не покидаю,
В серп, истончающийся жатвой,
Свою растягивая стаю.

* * *

Где и просить о благостыне,
Как не на этом месте стоя,
Где моря синяя пустыня
Дрожит прозрачною слезою.

Где две стихии неразлучны,
Как мир живущих и усопших.
И солнцу возвращает лучик
Прибрежный камень философский,

Вменяя непреложность клёва.
Бычки трепещут на кукане,
Стареют снасти рыболовов,
Приплясывая поплавками.

Услышь, когда тебя окликнут!
И море, помнящее Ноя,
К тебе приникнет и проникнет,
И ты проникнешься волною.

В солёном небе чайки плачут.
Ловец рыбачит, как и прежде,
Поправ сомнения в удаче
Неумирающей надеждой.

* * *

Тишь. Петухи не пели третьи.
Когда не спится, из-под век
Видней не знаменье столетья,
А твой к нему примкнувший век.

Он проступил сквозь драпировку
Стены, опередив цейнтнот.
Трамвай, как божия коровка,
По мокрой улице ползёт.

Подковкой бьёт вагончик тряский,
С ним отстаю от наших дней,
Не умещающихся в сказу,
Но и не тянущихся к ней.

Она не сможет откликаться
На звон потерянных ключей
То белой магией акаций,
То чёрной магией ночей.

Она своих щедрот не ценит,
Досаду пряча в закрома.
Трамвайчик огибает церковь.
По городу идет зима.

И вечность пятится дворами,
А я, к ней приписав ноли,
Всё больше думаю о маме
И восхожденье от земли

К душе, создавшей образ храма.
И мне становится важна
Уже не жизненная драма,
А то, как сыграна она.

* * *

...И вот глазам открылась панорама
Прибоем отражённого рассвета,
Небесные приотворились брамы,
Луч глянул в щёлку и растаял.
Лето
Спускает паруса.

Неторопливо

Взбираясь по кривой валютных курсов,
Бомонд кафешки допивает пиво,
Икотой выражая несогласье.
Ещё возможно, от прогнозов куксясь,
Последние лучи загарной мазью
Привлечь.
Ни привилегий, ни запретов,
Ни лиц в картине лишних, ни предметов.
Румяное всеведенье зари,
Ракушечное мужество реликтов...
А что и в этом видишь Божий лик ты,
Об этом никому не говори.

С мыслью
о воскресеньи

* * *

Май и в грозу ни в чём не виноват.
Блаженствует. Парит. Цветёт жасмином.
А у корней заложённая мина
Стягает зла убойный концентрат.
Легки, полупрозрачны, неведимы
Над нею лепестки летят, летят,
И слов не подобрать, как ощутимо
Отточенное жизни остриё
Врезается в сознание моё:
Я сам бы этот путь пройти не смог,
Но чуждая коса меня не косит.
Опять, опять меня в ладонях Бог
Над губельною бездной переносит.

* * *

Раскисла дорога-неряха,
Зато оправдалась весна,
Хоральной прелюдией Баха,
Текущей, как свет, из окна,

Очнувшийся воздух вбирает
В крылатые ноздри орган.
Дорога от глаз убегает
И липнет землёй к сапогам.

И дышит озоном седмица,
И тянется ниткой льняной.
И музыка длится и длится
Не эхом, уже — тишиной.

Легко её царство разрушить,
Со свистом вспугнув вороньё.
Но можно открыться и слушать,
Как внутренний голос, — её.

* * *

Пусть будет завтра, входят в обиход
Стресс новизны, фигурные репризы,
Венки сонетов, призраки свобод,
Почтовых птиц манящие карнизы!

Пускай от ветра с дерзостью блатной
Подол волны из кружев будет задран,
Но, выпив чай с лимонною луной,
Взрослеет ночь, перерастая в завтра.

Да будет день! Ершистый, как стерня.
Дозор атлантов, не сменивших облик,
Приморских кранов грузная возня,
Вне злобы дня — воспоминаний оклик.

Пожав плечами, остаются пусть
Флешмоб вокзала, расторопность будок
В рассвете том, которого дождусь
И буду, если вдруг меня не будет.

Сквозь форс-мажор из книжек записных,
В душе отвоевав, отсумасбродив,
Пусть просочится в утро каждый стих
Простой и светлый по своей природе.

* * *

Устояв на скаку в стременах,
Свят-Георгий, остынь от погони!

...Ждут твою чистокровку в лугах
Молодые вечерние кони.

...Лишь копыт их звенящие блюдца,
Лишь мерцанье боков красномедных.

Как уйти, чтобы вновь не вернуться?
Только тени уходят бесследно,
Без прощания перед уходом.
Только эхо фанфары победной,
Только звёзды в бегущие воды...

Так на склоне смиренного дня
Головою уткнулся в ладони.
...Заблудились в душе у меня
Молодые вечерние кони.

* * *

Что жизнь и смерть? — Сегодня и вчера!
В листве зудит настырно мошकारа,
Ранет краснеет сладко.

Мне легко
С земной пропиской родом слыть из рая.

Вдеваю луч в игольное ушко,
Своим рождением утро начинаю.

Ночь переплыл, как реку, в лодке утлой.
Позвякивает кухонная утварь,
Разматывает колесо дорогу.
Закрыв глаза на думу-недотрогу,
Рождаясь вновь, я больше не умру.
С воспоминаний о вчерашнем

утро,
Как с яблока, счищает кожуру.

* * *

Снежок, и волшебство мешка в углу.
Разлитый луч по краю круглой кружки.
Заменит поиск спрятанной игрушки
Обряд прикосновения к теплу,
Скопившемуся за ночь под подушкой.

А чудо нам — предошущенье чуда,
Твой пряничный подарок ниоткуда,
Твой божий дар: робеешь, но берёшь
В студёный день Святого Николая.
Не потому, что большего не ждёшь,
А потому, что больше не желаешь.

* * *

*Был слеп Гомер и глух Бетховен...
Дмитрий Кедрин*

Всему есть мера, и всему пример,
И соль вся земля дожди оплачут.
Ветра доносят: был слепым Гомер.
Но видел света более, чем зрячий.

Не слышал перебранку улиц, смех,
И бредни тысяч, наделённых слухом,
Глухой Бетховен.

Но внимал за всех
Мелодии, не уловимой ухом.

Закату в лад клонилась голова
И перья стрел прощались с тетивами,
Просилось так сказать, чтоб не слова
Вливались в речь, а то — что за словами.

Но тот открыл, чья жизнь во всём жива,
Хоть предстаёт в обыденном убранстве,
Что истине не надобны слова,
А только ты — внимающий пространству.

* * *

Ушедшему поэту В. Дроботу

И суд, и милость, — как единый след
Преображённой жизни, ставшей былью.
И облака белеет силуэт,
Раскинув крылья.

Лучи зеркалит глянцевый гранит
У вышедшего солнца на смотринах.
И ящерка зелёная сидит
И греет спину.

Покоя элегическая тишь,
Предположений светлое незнание...
Здесь могут потревожить только лишь
Воспоминанья

И мысли те, что сами по себе
Приходят, как в часы стихосложения:
Не о печали и не о судьбе —
О воскресенье...

* * *

Две жизни, как две стороны
С рождением вручённой медали.
Там заново мы рождены,
Как будто здесь не умирали.

Что здесь осмотрительно скрыл,
Там первым за это и спросят
До шага с подспорьем перил,
До слова, что не плодоносит,

До метров, чьи промельки шпал
Бегущей строкой не заполнил,
До меры, что я забывал,
А там до кровинки припомнил.

О, Боже, спаси и храни
Сгорающий воск моей квоты.
А слева под рёбрами дни
Стучат, как костяшки на счётах.

Вот лампу направят в лицо,
И далее не отвертеться,
И будешь стоять пред истцом,
Размазывать слёзы по-детски.

* * *

Опять осенние тотемы:
Печаль — как взгляд издалека,
Туман. Костры и хризантемы.
Ключ с поворотом до щелчка.

Летают листья через бруствер.
Оставь их пагубу.
 Представь,
Что шепоток ночных предчувствий
Не дар бессонницы, а явь.

Приходишь к морю ждать прогноза...
Списавшись в нети с корабля,
В душе останешься матросом,
Кричащим радостно: «Земля!»

Не предавай секрет огласке,
Постой, завидуя слегка,
Самозабвенью в дикой пляске
Розовощёкого буйка.

Повеет снегом раньше снега
Зима.

 В преддверии её
Уже хрустит и пахнет небом
С веревки снятое бельё.

И кофе обжигает завтрак,
И обещает день с утра
Чуть хуже быть, чем будет завтра,
Чуть лучше, чем он был вчера.

РЕЧЬ

*...комони ржутъ
«Слово о полку Игоревом»*

Хоть в молчанье, хоть в уличном гомоне
Сходит с губ заповедная речь.
Кони ржут, буйногривые комони, —
Давних слов ни загнать, ни запречь,

Не спасти от степей частоколами...
Твой настой, как простор травяной,
Одинокой дорогой расколотый,
Что всегда у тебя за спиной.

Не наплакаться, не накричаться и
Не нарадоваться.

Молодят

Новобрачные гнёзда с грачатами
Ностальгический твой звукоряд.

Рассмешь меня страстью игрушечной,
Голой правдой меня переспорь,
Усыпи бормотаньем старушечьим,
До рассвета сгоняющим хворь.

Отомкни закрома свои полностью —
Стук копыт отзовется в груди.
Утоли, примири меня с полночью.
Не печалуйся. Не уходи.

* * *

Всё ли отдал на откуп словам?
Жадный спор не решить любовно!
И трещит, расплзаясь по швам,
Пустота в этом мире бесшовном.

А в углу завелись пауки
И раздумья сплетают кругами.
На любого акына тоски
Вдоволь жизнь припасала веками.

Лучше все зарок не давать,
От стыда одиноко сгорая,
Опасаясь мечтам подражать
И любимым избранникам рая,

И фортуне в сердцах надерзив,
У дающих не брать подаянья,
И просить себе трудной стези,
И неведомо в чём пониманья,

И жалеть, что ты не от сохи,
Чтоб весну бороздою разметить...
Только так и напишешь стихи,
За которые стоит ответить.

* * *

Мир ни тоской не удивлен,
Ни злом, ни звоном колоколен.
Он вовсе не стихами болен.
И не стихами исцелен.

Но всё, что молча пережить
Ты мог бы, — отдаешь бумаге.
Мир не поймет такой отваги
И не подумает простить

За непрактичные труды
В минуты радости случайной,
За поиски в надежде тайной
Примеров мудрой простоты.

* * *

Есть ночь и страх, что подведен итог,
И голод есть, но нет духовной пищи!..
Тогда знобит тревоги холодок,
Что ты ни строчки больше не напишешь.
В словах есть то, что больше, чем слова:
Двойное дно и правомочность версий,
Взрывной напор и фишка баловства,
И затаённый стыд за бессловесность
Как самовыраженья новый пласт.
Хотя давно сценарий жизни сверстан,
Вновь образуют с будущим контраст
Вслед за тобой крадущиеся вёрсты.
А ночь природе двойственной верна —
Как в черно-белом кадре клён в сугробе.
Из двух сторон желательней одна,
Но если ты поэт — люби их обе.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРНУТЬ НЕПОВТОРИМЫЙ МИГ

«С чего бы? И все ж не устану...».....	5
«Так и замышлялось а priori...»	6
«...И все ж, дурачась, ветерок...»	7
«Прозрачность крыл над свежим лепестком...»	8
«Взрослую жизнь, проказёнив, сбежим...»	9
О детстве	10
Курсантское	11
«Жизнь, как уставшее море, смягчилась...»	12
Просьба к ангелу	14
Метель.....	15
«Преодолеть сомнения и страх...»	16
Попутное	17
«Почтовые ящики нам заменил интернет...»	18
«Есть даже в Книге жизни опечатки...»	19
«О, жизнь, зачем ты коротка?..».....	20
«Переживает «путь зерна»...»	22
«Прохладой лечат тополя...».....	23
«Где ты, ангел, где, мой ясный луч зари?..»	24
«Там, где пространство бродит залами...»	26
«Ставить точку пока ещё рано...»	27
«Давняя молодость бродит в степи...»	28
Кувшин	30

СКВОЗЬ МЕЖРЕБЕРЬЕ СТЕН И ЛЕТ

Августовское.....	32
«И опечаленность и благодать...»	33
«Послушай город, словно отчий зов...».....	34
«У города есть башни и мосты...».....	36

Уличный скрипач	37
«Визитка двух веков — одесские дворы...».....	38
Письмо однокласснику	39
«И вечер, что растрогал иву...»	40
«Как фото просроченной ксивы...»	41
«Трамвайчик проходит неспешно и плавно...»	42
«Ночь осыплет звёзды — только задень...»	44
«Время то снегом идет, то дождём...»	45
«У города на каменном лице...»	46
«Громоздятся этажи...»	48
«Разве мало весны с переменами ежеминутными?...»	49
«Простая гамма сложных отношений...».....	50
Батуми	51
«Поджимая колёса, как будто озяб...»	52
«Проснулся вечерний сверчок...»	54
«Вместо счастья мне обещай...».....	55
«Тучка сверху, крыша снизу...»	56
«Надеждами шуршащий дождик...»	58
«От жажды скупы суховеи...».....	59
«Где божественный Данте закончил земные круги...»... ..	60
Крымское... ..	62
«Под небом яблоки висят...»	63
«Останутся и вид на Ланжерон...».....	64
«В доме всё тебе расскажет обо мне...»	66
«Как пригоршню крупы, — точь-в-точь...»	67
Зимнее.....	68
«Что имеешь — то и носи...»	70
«Всё, что выше нас, — это высь...»	71
«Пережив обиды, можно убедиться...»	72
В чайхане.....	73
«Все, что могло быть, сказано до нас...»	74

ЛУЧШЕЕ СБЫВАЕТСЯ СЕЙЧАС

Хаджибей	
1. «Спит на боку разошедший баркас...»	76
2. «К лиману солнце катит скарабей...»	77
«Молчком, но с явным интересом...»	78
«Волей осени расставлены точки...»	79
Прогулка	80
«Зима нахлынет белая, как май...»	81
На Спаса	82
«Закрой окно, метель и так слышна...»	83
Импрессионист	84
«Звучит дудук... внимай и верь...»	86
Моему деду	88
Листопадное	89
Ботанический	90
Собаки	92
Одесский двор	93
Весенняя лошадка	96
«Дай мёду мне, звенящая пчела!..»	98

СВЕТ ОЧИСТИТЕЛЬНОЙ ПЕЧАЛИ

«Как прядь, откинешь тень со лба...»	100
«Каштаны, падая, стучали...»	102
Полдненное	103
«...И потому, что не с кем разделить...»	104
Иисус	105
«Крапающий дождик осторожно...»	106
Рождественские стихи	
1. «Наверное, таким и быть должно...»	107
2. «К тому, что слышал, добавлять не буду...»	108
3. «Не столько падал, сколько ниспадал...»	109

«Косматой стужи зимнее крещендо!..»	110
Моисей	111
Грибник	112
«Как станется, так и станет...»	113
Иуда	114
Пётр	116
В монастыре	118
«О, Господи, пронзи меня любовью...»	119
«...А всё репризы тётушки-зимы...»	120
«Солнце низко — почти у обочины...»	121
Сентябри	122
«Где и просить о благостыне...»	124
«Тишь. Петухи не пели третьи...»	126
«...И вот глазам открылась панорама...»	128

С МЫСЛЬЮ О ВОСКРЕСЕНЬЕ

«Май и в грозу ни в чём не виноват...»	130
«Раскисла дорога-неряха...»	131
«Пусть будет завтра, входят в обиход...»	132
«Устояв на скаку в стременах...»	134
«Что жизнь и смерть? — Сегодня и вчера!..»	135
«Снежок, и волшебство мешка в углу...»	136
«Всему есть мера, и всему пример...»	137
«И суд, и милость, — как единый след...»	138
«Две жизни, как две стороны...»	139
«Опять осенние тотемы...»	140
Речь	142
«Всё ли отдал на откуп словам?...»	144
«Мир ни тоской не удивлен...»	146
«Есть ночь и страх, что подведен итог...»	147

«Світла пора дня»— нова книга одеського поета Владислава Кітіка. Автор дотримується традиції філософської лірики, орієнтованої на класичні зразки поезії. Прагне ясності викладу, щоб коротшим шляхом донести ліричну ідею до читача.

Він не претендує на істину, ставлячи на чільне місце поетичне самовираз і пошук значимості у найзвичніших речах. Вірші предстають як спосіб упізнати і зрозуміти себе, а також знайти своє місце у цьому величезному світі і встановити з ним свої стосунки. Звичайно ж, добрі.

Усім світлого часу в душі у будь-яку пору дня.

Літературно-художнє видання

КІТІК Владислав Адріанович

СВІТЛА ПОРА ДНЯ

Вірші

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*

Редактор *Н. Я. Рихтік*

Дизайнер обкладинки *О. В. Костроменко*

Технічний редактор *Н. С. Жукова*

Формат 70×100/32. Ум. друк. арк. 6,18. Тираж 100 прим.
Зам. № 247 (31).

Видавництво і друкарня «Астропринт»

65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21

Тел.: (0482) 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855

www.astroprint.ua; www.stranichka.in.ua

e-mail: astro_print@ukr.net

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003